

УДК 811.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. А. Д. Каксин
г. Абакан, Россия

**«ШЛЕТ ЦАРЮ-ДЕ СВОЙ ПОКЛОН»:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В СКАЗКАХ
А. С. ПУШКИНА**

Аннотация: В статье описывается ряд эвиденциальных значений, т. е. значений типа пересказа чужой речи, свидетельства о событии по его результатам (следам), удивления при виде чего-либо неожиданного. Автор стремится показать, что значения эвиденциальной сферы (а это не только перечисленные выше, но и некоторые другие, очень специфические) чрезвычайно интересно выражаются именно в русском языке. Имея в виду основные способы выражения указанных значений, можно сказать, что эвиденциальность в русском языке выражается преимущественно лексически (путем употребления специальных слов) и интонационно (с помощью соответствующей интонации). Считая эвиденциальность самостоятельной функционально-семантической категорией, автор рассматривает возможности ее репрезентации (иначе говоря — средства выражения) в русском языке. На взгляд автора, самые яркие средства подобного рода широко использовал в своих произведениях А. С. Пушкин. В качестве иллюстраций приводятся отрывки из четырех творений великого русского поэта («Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке»).

Ключевые слова: языковая категория, эвиденциальность, репрезентация, стихотворные средства, русский язык

Информация об авторе: Андрей Данилович Каксин — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 655017 г. Абакан, Россия. E-mail: adkaksin@yandex.ru

Дата поступления статьи: 26.04.2017

Дата публикации: 15.12.2017

Исследователи понятийных (функционально-семантических) категорий в языках мира достаточно давно стали рассматривать эвиденциальность как категорию, отдельную по отношению к категории модальности, но одновременно связанную с ней [3; 4; 9, с. 321–325; 12].

В частности, В. А. Плуноян, рассмотрев под типологическим углом зрения данные по разным языкам, дает следующее обоснование такого подхода к проблеме: «...у лингвистов нет оснований ни объявлять эвиденциальность простой разновидностью эпистемической модальности..., ни трактовать эвиденциальность и эпистемическую модальность как ничем не связанные категории» [9, с. 325].

Проанализировав содержательную сторону двух упомянутых явлений, действительно, приходишь к выводу об автономности категории эвиденциальности, о ее самостоятельном статусе: эвиденциальные значения, в отличие от модальных, которые объективируют точку зрения говорящего, выражают интерпретируемый говорящим *чей-то, чужой* взгляд на ситуацию (при этом *чужим* может стать даже действие самого говорящего, если оно прошло мимо его внимания).

Вместе с тем лингвистами признается и другой факт: смысловые сферы модальности и эвиденциальности пересекаются (или соотносятся) по целому ряду частных, конкретных значений. Правда, есть языки, в которых формы эвиденциальности имеют специфические морфологические маркеры. Но русский язык не относится к ним: здесь эвиденциальность выражается чаще всего лексически и интонационно. Очевидно, именно поэтому ранее в русистике не принято было отделять эвиденциальность от общей модальной сферы (см., например: [5, с. 303]).

Но в последние десятилетия ситуация поменялась: эвиденциальность в русском языке «отделена» от модальности, и большинством лингвистов признано, что в русском языке искомые значения в значительной степени маркированы (если, конечно, понимать под маркировкой разные средства, а не только морфологические). В русском языке обнаруживается множество отличных друг от друга по происхождению, форме и семантике средств выражения эвиденциальности, и большинство из них, например, отглагольные формы и частицы (в том числе вводные) типа *мол, якобы, дескать* уже достаточно подробно описаны [1–2; 6–8; 11].

Таким образом, следует признать: русский язык, безусловно, насыщен разнообразными, в том числе очень выразительными, средствами для передачи эвиденциальных значений. Более конкретно, на примере сказок А. С. Пушкина мы хотим показать, что в русском языке существует множество способов выражения *пересказа* (отсылки к другому мнению), *сомнения в достоверности сообщаемой информации*, *суждения о действии по результату*, *восхищения при виде чего-либо*, *неожиданно обнаруженного*, и других эвиденциальных значений [9, с. 321–325].

В сказках А. С. Пушкина мы без всякого труда найдем яркие примеры использования средств выражения эвиденциальности:

«Да скажите: князь Гвидон
Шлёт царю-*де* свой поклон» [10, с. 28].

К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.

Молит князь: душа-*де* просит,
Так и тянет и уносит... [10, с. 29].

«Да скажите ж: князь Гвидон
Шлёт-*де* свой царю поклон» [10, с. 36].

Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:

«*Что* я? царь или дитя? —

Говорит он не шутя. —

Нынче ж еду!» [10, с. 46].

Для русского языка, как никакого другого, особенно характерно, что в нем четко разграничиваются средства, предваряющие указание на эвиденциальное действие,

и средства, непосредственно показывающие, что это именно такое действие. Важно и то, что те и другие могут располагаться и в начале, и в середине, и в конце предложения, в состав которого они входят. Для примера приведем два небольших отрывка из «Сказки о царе Салтане». В первом из них описывается обнаружение некоторой неожиданной ситуации (предваряющие элементы выделены курсивом, а непосредственно изображающие — жирным шрифтом):

К морю лишь подходит он,
Вот и *слышит* **будто стон**...
Видно, на море **не тихо**;
Смотрит — *видит* **дело лихо**:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун **носится** над ней... [10, с. 14].

В другом эпизоде выражается восхищение прекрасным городом, открывшимся взору героев сказки, и предположение, кто стоит за созданием этого великолепия:

Он скорей царицу будит;
Та *как ахнет!*.. «То ли будет? —
Говорит он, — *вижу* я:
Лебедь **тешится** моя» [10, с. 16].

Способы передачи чужой речи — еще не вся эвиденциальность, это — одно из значений эвиденциальной сферы. Последовательно разграничивая модальность и эвиденциальность, можно видеть, что последняя имеет достаточно много специфических способов выражения, да и объем ее в тексте — довольно значительный. И из сказок А. С. Пушкина можно привести еще много примеров. Особенно часто в них, как можно сразу заметить, употребляются слова *де*, *право*, *глядь*.

«Да скажите: князь Гвидон / Шлёт царю-*де* свой поклон» [10, с. 28].
«Чудо чудное завесь
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, *право*, не безделка ...» [10, с. 26].
Воеводы не дремали.
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, *глядь*, —
Ан с востока лезет рать [10, с. 111].

Частица *де* чаще всего появляется в случае передачи содержания высказывания того или иного героя (т. е. в контексте пересказа). В ряде случаев может быть так: говорящий сам подсказывает, что следует сказать от его имени: Иногда слово *де* используется для вербализации внутренних переживаний героев (словесного оформления их невысказанных мыслей):

И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,

Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-*де* царь Салтан [10, с. 11].
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-*де* просит,
Так и тянет и уносит... [10, с. 29].
И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-*де* в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была [10, с. 84].

Часто подобные контексты имеют следующее значение: говорящий указывает на нехорошие качества предмета, актуализирует отрицательное, негативное представление о нем. Иногда говорящее лицо просто «наводит на ложный след», высказывает сомнение в ценности восхитительного предмета:

«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим *лукаво*,
Повариха говорит, —
Город у моря *стоит!*» [10, с. 24].
«Что тут дивного? Ну, вот!
Белка камушки грызёт...» [10, с. 31].

Итак, анализируя тексты сказок А. С. Пушкина, приходим к выводу о том, что русский язык насыщен лексическими и интонационными средствами для передачи эвиденциальных значений (пересказа, неожиданного обнаружения, изумления и других). Из лексических средств, как показывает анализ материала, чаще всего в подобных контекстах фигурируют некоторые междометия и лексемы типа «мол», «де, дескать», «якобы», «оказывается», «так сказать», «однако». Безусловно, неисчерпаемый материал русского языка в будущем поможет пролить свет и на следующий вопрос: какие еще семантические смыслы можно считать относящимися к эвиденциальной сфере? В этом отношении произведения А. С. Пушкина (сказки — в первую очередь) могут служить и основой теоретического исследования, и замечательным, незаменимым иллюстративным материалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Григоренко М. Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 20 с.
- 2 Григоренко М. Ю. Языковой, коммуникативный и прагматический статус эвиденциально-предположительных частиц МОЛ, ДЕСКАТЬ, ЯКОБЫ, ДЕ // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавств. 2009. № 14. С. 52–56.
- 3 Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

- 4 *Козинцева Н. А.* К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.
- 5 *Ляпон М. В.* Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 303–304.
- 6 *Михайлова В. А.* Реализация категории эвиденциальности в немецком и русском языках // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 171–177.
- 7 *Никитина Е. Н.* Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 69–82.
- 8 *Перфильева Н. П., Хальзова Ю. Б.* Семантика высказываний с частицами мол, де, дескать // Семантические и прагматические аспекты высказываний. Новосибирск, Изд-во НГПИ, 1991. С. 86–95.
- 9 *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- 10 *Пушкин А. С.* Сказки / худ. В. Конашевич. М: Астрель, 2009. 128 с.
- 11 *Шестухина И. Ю.* Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 17 с.
- 12 Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. 634 с.

© 2017. **Andrey D. Kaksin**
Abakan, Russia

**“...SENDS BEST GREETINGS TO THE KING”:
REPRESENTATION OF EVIDENTIALITY
IN A. S. PUSHKIN'S FAIRY TALES**

Abstract: The article explores a number of evidential meanings, like retelling someone else's speech, witnessing of an event through its outcomes (traces), surprises at the sight of something unexpected. The author seeks to show that meanings of the evidential sphere (including not only those listed above, but also some other ones, very specific) are extremely noteworthy expressed in Russian. Taking into account the main ways of expression of the specified meanings, one may say that evidentiality in Russian is expressed mainly lexically (by the use of special words) and with the help of intonation (by means of the corresponding intonation). Assuming the evidentiality an independent functional and semantic category, the author considers the possibilities of its representation (in other words — means of expression) in Russian. In the author's opinion, the most spectacular and ample use of these means is found in the works A. S. Pushkin. Its illustrations include fragments from four masterpieces of the great Russian poet (“The tale of Tsar Saltan”, “The tale of the fisherman and the fish”, “The tale of the dead princess and the seven knights”, “The tale of the Golden Cockerel”).

Keywords: language category, evidentiality (evidence), representation, poetic means, Russian

Information on the author: Andrey D. Kaksin — DSc in Philology, Leading Researcher, The Institute of Humanitarian Researches and the Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University, Lenin av., 90, 655017 Abakan, Russia. E-mail: adkaksin@yandex.ru

Received: April 26, 2017

Date of publication: December 15, 2017

REFERENCES

- 1 Grigorenko M. Yu. *Funktionalno-semanticheskoe pole evidentsialnosti v sovremennom russkom yazyike* [Functional-semantic field of evidentiality in the modern Russian language]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Belgorod, 2011. 20 p. (In Russian)
- 2 Grigorenko M. Yu. Yazyikovoy, kommunikativnyy i pragmaticheskiy status evidentsialno-predpolozhitelnykh chastits MOL, DESKATЬ, YA K OBYi, DE [Linguistic, communicative and pragmatic status of evidence-hypothetical particles LIKE, SAY, ALLEGEDLY, DE]. *Mova. Naukovo-teoretichniy chasopis z movoznavstva*, 2009, no 14, pp. 52–56. (In Russian)
- 3 Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsialnosti (problemy tipologicheskogo analiza) [The category of evidentiality (problems of typological analysis)]. *Voprosyi yazyikoznaniya*, 1994, no 3, pp. 92–104. (In Russian)
- 4 Kozintseva N. A. K voprosu o kategorii zasvidetelstvovannosti v russkom yazyike: kosvennyy istochnik informatsii [On the category of service listener in the Russian language: an indirect source of information]. *Problemy funktsionalnoy grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyiskazyivanii* [Problems of functional grammar. Categories of morphology and syntax in the utterance]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 226–240. (In Russian)
- 5 Lyapon M. V. Modalnost [Modality]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary], chief editor V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, pp. 303–304. (In Russian)
- 6 Mihaylova V. A. Realizatsiya kategorii evidentsialnosti v nemetskom i russkom yazyikah [Realization of the category of evidentiality in German and Russian]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2009, no 2, pp. 171–177. (In Russian)
- 7 Nikitina E. N. Sub'ektnyye nuli i pertseptivnyy modus (k voprosu o vyirazhenii kategorii evidentsialnosti v russkom yazyike) [Subject zeros and perceptive mode (the issue of the expression of the category of evidentiality in Russian)]. *Voprosyi yazyikoznaniya*, 2013, no 2, pp. 69–82. (In Russian)
- 8 Perfileva N. P., Halzova Yu. B. Semantika vyiskazyivaniy s chastitsami mol, de, deskat [The semantics of utterances with particles like de, they say]. *Semanticheskie i pragmaticheskie aspekty vyiskazyivaniy* [Semantic and pragmatic aspects of speech]. Novosibirsk, Izd-vo NGPI Publ., 1991, pp. 86–95. (In Russian)
- 9 Plungyan V. A. *Obschaya morfologiya: Vvedenie v problematiku: uchebnoe posobie* [General morphology: introduction to the topics: a tutorial]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 384 p. (In Russian)

- 10 Pushkin A. S. *Skazki* [Fairy tales], the artist V. Konashevich. Moscow, Astrel Publ., 2009. 128 p. (In Russian)
- 11 Shestuhina I. Yu. *Kategoriya evidentsialnosti v rusском narrativnom tekste: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [The category of evidentiality in Russian narrative text: communicative-pragmatic aspect]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Barnaul, 2009. 17 p. (In Russian)
- 12 *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii: Sbornik statey pamyati Natalii Andreevny Kozintsevoy* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia: Collection of articles to the memory of Natalia Andreevna Kosintzeva], responsible editor V. S. Hrakovskiy. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 634 p. (In Russian)